

Сергей Давидис

Боюсь, что в полной мере подвести итоги не удастся. Было высказано много разных соображений, в том числе, взаимоисключающих. Обнаружилось, в частности, непонимание конкуренции принципов презумпции истинности приговора и презумпции невиновности человека. Я говорил об этом, но не было услышано, – мы не можем устранить риски до конца. Мы находимся в ситуации неполноты информации, и быть абсолютно уверенными, что кто-то не виновен, мы не можем. Суд, претендует, вероятно, в конце концов, на установление истины. Мы же, не имея ресурсов и полного доступа к информации, который имеет суд, не можем претендовать на установление истины. Мы всего лишь утверждаем, что из-за нарушения таких и сяких норм, вина с достаточной степенью вероятности не установлена. Если у нас есть выбор, в какую сторону этой вероятности колебаться, то лучшим выбором будет выбор защиты виновного, чем отказ от защиты невиновного.

Второй момент касается того, кого все-таки относить в рамках этой процедуры к понятию «политзаключенные». Смешивая понятия, каждый понимал под политзаключенными что-то свое. Имея в виду это свое понятие, каждый говорил о том, как с ними надо обращаться и что с ними делать. Понятно, что мы не договаривались заранее о каких-то общих критериях, из-за чего и возникала путаница. Говорилось о политических мотивах действий самих преследуемых. Но, говоря о политзаключенных, мы вовсе не обязательно говорим о невиновных. Невиновные – это узники совести. Мы говорим о людях, которые, может быть, и виновны, но вина их в установленном порядке не доказана. Или те, кто наказан по за дело, но явно несправедливо и чрезмерно или избирательно. Мы не говорим, что вообще никакого состава нет во всех действиях тех пяти человек, кто осужден по Манежному делу. Незначительный состав там есть, но когда из 15 тысяч человек с этим незначительным составом осуждают пять человек – это неприемлемая избирательность, которая и позволяет считать это преследование стопроцентно политическим. Ничего такого, чтобы не делали все остальные – они не делали. Никакой сугубой опасности их действия, по сравнению с действиями всех остальных не носили.

Исходя из понимания, что политзаключенные – это не обязательно невиновные лица, все равно понятно, что каждое дело должно подлежать изучению на предмет доказанности, на предмет процессуальных нарушений, на предмет избирательности и так далее.

В то же время неоднократно высказывался подход, что некоторые статьи позволяют всех, кто по ним осужден и преследуется, считать даже узниками совести, а не только политзаключенными. Тут согласиться нельзя. Конечно, есть статьи исключительные по своей «резиновости». Такой одиозной статьей, на мой взгляд, является статья 282.2. «Участие в деятельности запрещенной политической организации». Может быть, и есть, но я не знаком с правомерными случаями осуждения по этой статье. Все это, «высосанные из пальца» обвинения. Преследуют по ней бывших членов НБП, Хизб ут-Тахрир и других организаций, которые запрещены. Когда никакой другой угрозы для общества, кроме принадлежности к организации, что является неким эфемерным фактором, раз это бывшая организация, эти люди не представляют – не за что их осуждать, но излишне легко это сделать. Да и тут могут быть и другие составы правонарушений, но если человек привлекается только по одной этой статье можно его считать с моей точки зрения не только политзаключенным, но и узником совести. Тем не менее, все равно важно рассмотреть каждый конкретный случай.

Все другие «экстремистские» статьи настолько неясно сформулированы, что позволяют привлечь по ним, практически любого. Но это не значит, что по ним совсем нет виноватых. Если сформулировать, например, статью «убийство» как - «убийство живого существа», то по ней посадят 1000 людей, которые убили муху; 100 человек, которые убили кошку и 5 человек, которые убивали людей. И что сказать, что раз статья глупая, то всех на свободу? Глупая статья, но и глупый подход. Нужно смотреть внимательно на каждое дело и одновременно статью, безусловно, поменять. Оценивая статью 282, осмысленно требовать

для тех, кто по ней осужден, например, амнистии. Если люди осуждены только по этой статье, так или иначе не связаны с насилием, то амнистии или помилования поименованных людей можно требовать.

Были высказаны разные мнения. С ними мы в значительной мере и разойдемся. В чем перспективы процесса? Где-то там Экспертный совет – это нечто мечтательное. Но что-то общепризнанное в рамках Гражданского Совета - одной из формирующихся структур протеста (ее перспективы тоже, конечно, вызывают сомнения) можно попытаться сделать. Формируется рабочая группа по политзаключенным. В этой группе предполагается объединить представителей разных идейных течений – и левых, и националистов, и либералов, и политически не определившихся представителей гражданского общества. Объединившись, они могут попытаться найти некий консенсус по этому вопросу и составить общий список из людей, которых все признают. Вероятно, кто-то в него не попадет из разных флангов. По всем кандидатурам консенсус не возможен. Элемент идеологической субъективности тут велик. Утвердить, однако, общие критерии и составить хотя бы маленький общий список очень важно. Этот процесс, я надеюсь, сейчас продвинется.